

РЕЦЕНЗИИ

СЫН НООСФЕРЫ: НОВЫЕ КНИГИ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ

(*Демин В.Н.* Андрей Белый. – М., 2007; *Спивак М.Л.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. – М., 2007; *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. – М., 2007)

В 1970-е гг. читатели были зачарованы всплывшей из небытия Атлантидой – поэзией Серебряного века. Глубина философских исканий, смелые художественные эксперименты, проникновенный лиризм и трагические предчувствия, жизнотворчество и пафос театрализации – все это воспринималось как «воздух свободы» во времена застоя. Диссертации, конференции, статьи и монографии осваивали поэтический модернизм. Однако уже в 90-е гг. начали высказываться и упреки в адрес поэтов Серебряного века: «эстетическое бунтарство» (Э.Г. Минц) стали связывать с бунтарством социальным, «переоценку ценностей» и эстетический утопизм – рассматривать как фактор подготовки катастрофы 1917 г. А в начале 20-х гг. XXI века постмодернисты травестируют возвышенный образ поэтов-пророков («Моя история русской литературы» М. Климовой, «Пленные души» бр. Пресняковых), сегодняшним студентам символисты кажутся, мягко выражаясь, «мало адекват-

ными». Отсюда вытекает задача серьезных книг о деятелях Серебряного века – не приукрашивая, дать читателю почувствовать масштаб личности, высокий уровень культурности тех, кто оставил нам новую поэтическую эпоху.

Андрей Белый был одной из самых ярких и противоречивых фигур Серебряного века: «гениальный, странный», по выражению А. Блока. И хотя о вершинных произведениях писателя, таких, как книги стихов «Золото в лазури» и «Пепел», романы «Петербург» и «Москва», написаны глубокие исследования, а книга А.В. Лаврова «Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность» (М., 1995) многое объяснила не только в творчестве, но и в личности писателя, все же многое еще оставалось «за кадром».

В популярной серии «ЖЗЛ» вышла книга В.Н. Демина об Андрее Белом. Поскольку автор не филолог, а доктор философских наук, книга не преследовала цель новых, углубленных трактовок

произведений (весьма спорным, например, является на с. 223 тезис о том, что в романе «Петербург» стихию хаоса, в том числе, политического, обуздывает своей гармонией Петербург, символ которого – Невский проспект; это, скорее, точка зрения сенатора Аблеухова; Е. Мелетинский, В. Пискунов, Л. Долгополов по-иному трактуют авторскую концепцию). Несколько удивляет отсутствие ссылок на первоисточники и научную литературу, впрочем, в конце книги приведена довольно обширная библиография. В.Н. Демин стремился показать неординарность самой личности писателя.

Книга написана легко, в популярной манере, с нескрываемой симпатией к герою. Так, в запутанных отношениях с женщинами А. Белый постоянно оказывается не виноватым, а страдающим лицом: виновата, например, «любвеобильная» Н.И. Петровская, а самого Белого тянуло в сферы неземные (с. 73), «ведьма» А.Р. Минцлова вовлекла его в пучины антропософии (с. 177). Достаточно мягко передана история отношений с Блоками. В.Н. Демин рисует привлекательный, наивный и чудакватый житейский облик писателя: в отрочестве он был замечательный гимнаст, на «башне» Вяч. Иванова ему дали прозвище «гоголек» (за любовь к Гоголю), по-детски ведет себя А. Белый на митинге протеста в связи с кровавыми событиями 9 января (как «честный химик»), он чуть не поддался на провокацию

Гапона) – и мн. другие штрихи и эпизоды. Милый бытовой облик заостряет контраст с Белым-философом, «сыном Ноосферы».

А. Белый был замечательным лектором; автор книги, приводя ряд свидетельств современников, говорит по поводу ораторского мастерства писателя: «Андрей Белый не столько говорил сам, сколько транслировал то, что ему «подсказывала» ноосфера» (с. 71). Стиль А. Белого воплотил его прирожденный космизм, это непосредственное выражение космических вихрей в словах (с. 221). Подчеркивается медиумическая природа личности писателя, делающая возможными пророчества и прозрения. Так, например, рассказывается следующий эпизод: в Швеции, на острове Рюген, где некогда стоял древнеславянский храм Арконы, Белого посетило апокалипсическое видение (следует обширная цитата без ссылки на источник): древние арконцы-славяне возвратятся, чтобы разрушить европейский мир – и это было за 10 дней до начала Первой мировой войны (с. 250-251). Естественно, что в книге автор придерживается самой распространенной версии смерти А. Белого от последствий солнечного удара – от тех «солнечных стрел», о которых Белый писал еще в юности.

Будучи философом, автор книги гораздо убедительнее трактует философское наследие А. Белого, например, его «диалектическую мифологию», связанную с символами Феникса и Сфинкса (с. 127). В

этом случае книга В.Н. Демина очень полезна для читателя, т.к. углубляет представление о ключевых мифологемах Белого. В целом же книга рассчитана на массового читателя, привлекая его смешением обычного и загадочного, исторических фактов с тайными инспирациями.

Книга Моника Спивак «Андрей Белый – мистик и советский писатель» имеет совсем другой характер. Ее автор – заведующая «Мемориальной квартирой А. Белого» (отделение Государственного музея А.С. Пушкина), авторитетный исследователь, работающий с первоисточниками. Новизна книги обозначена уже в названии. Как правило, литературоведы пишут о дооктябрьском периоде творчества А. Белого. Но скончался писатель в 1934 г. Как жил он после 1917 г., почему вернулся в Советскую Россию из Берлина, каковы были его отношения с ленинско-сталинским режимом? В 20-е – 30-е гг. А. Белый работал весьма интенсивно, достаточно вспомнить трилогию «Москва», поэму «Первое свидание», литературоведческие и стиховедческие штудии, мемуары...

В основу книги М. Спивак положены новые архивные материалы, в том числе, опубликован предсмертный дневник писателя. В центре внимания – история отношений писателя с Р. Штейнером, антропософские взгляды и деятельность А. Белого, М. Спивак показывает, что уже в юности Белый воспринимал Москву в эзотерическом аспек-

те, не случайно особым его вниманием пользовалось кладбище при Новодевичьем монастыре, упоминаемое и в стихах, и во второй симфонии, и в поэме «Первое свидание». Здесь зарождались его мечтания, здесь он видел Москву Новым Градом, в свете апокалиптических чаяний, в канун Второго Пришествия и Царства Духа (с. 7).

С опорой на эпистолярное наследие, прослеживаются отношения А. Белого с Р. Штейнером и М. Сиверс, от первой (1912 г.) до последней их встречи (1923 г.). Однако, как показывает предпринятый М. Спивак анализ романной трилогии «Москва», рассказа «Йог», поэмы в прозе «Глоссолалия», несмотря на разрыв личных отношений (не затушевывается вина А. Белого, эксцентричность его поведения по отношению к жене и сестре жены), антропософские убеждения продолжали иметь над ним власть. Неожиданным выглядит и совершенно новый сюжет, освещенный в книге – отношения А. Белого с московскими кадетами, где «слово» писателя явно расходилось с «делом». Подробно рассказывается о том, какую роль играл писатель в «Русском антропософском обществе им. Ломоносова» и о том, как это общество было закрыто по инициативе ГПУ.

Месяц за месяцем прослеживаются перипетии писательской судьбы: возвращение в Россию в связи с призывом на военную службу, отъезд в Берлин, возвращение в Москву, разрыв с женой,

разочарование в Европе и глубокая вера в особое призвание России, тяжелейший нервный срыв. Убедительно выявляется биографический подтекст в романе «Москва» (образ отца, отразившийся в образе профессора Коробкина, жизненные прототипы женских образов, сублимация собственных влечений в сюжетных коллизиях).

Полны драматизма главы, повествующие о последних годах жизни А. Белого: материальные лишения, арест жены (К.Н. Васильевой-Бугаевой) после разгрома антропософского общества, попытки принять участие в подготовке I съезда советских писателей. Дневник 1933 г. свидетельствует, что А. Белый очень по-своему, в антропософском ключе, понимал теорию социалистического реализма. Заключительная глава содержит обе версии смерти писателя: романтически-мифологическую, предложенную еще К. Мочульским (умер от «солнечных стрел») и конкретно-историческую: предисловие, написанное Каменевым к мемуарам «Начало века», взбесило писателя и усугубило его болезнь.

Книга М. Спивак написана без апологетики, иногда даже с нотками сарказма (уж очень сложный человек был А. Белый), но – с вниманием к творчеству и добросовестностью архивиста. Книга имеет оригинальную композицию, напи-

сана живо, производит очень цельное впечатление. Это, несомненно, ценный подарок для всех, занимающихся изучением творчества выдающегося русского символиста.

Специалисту-филологу адресована книга А.В. Лаврова «Андрей Белый: Разыскания и этюды». Здесь впервые публикуются некоторые статьи и письма А. Белого, рассматриваются биографические эпизоды, нашедшие отражение в произведениях писателя (Сергей Соловьев как прототип Дарьяльского), история несостоявшегося юбилея А. Белого (в 1927 г. исполнилось 25 лет его творческой деятельности). Ряд статей посвящен крайне сложным теоретическим аспектам стихотворного наследия А. Белого: соотношению ритма и смысла, концепции книги стихов. Но большая часть материалов, помещенных в книгу, рассматривает творчество А. Белого в широком литературном и культурном контексте: А. Белый и В. Ходасевич, А. Белый и Григорий Сковорода, А. Белый и К. Моргенштерн, Ю. Балтрушайтис, Конрад и Честертон, Б. Пастернак... Хотя статьи и названы автором «этюдами», но, как всегда у А.В. Лаврова, они содержат и новый историко-литературный материал, и новые концептуальные подходы, стимулируют научный поиск.

Н. Барковская

Уральский государственный педагогический университет